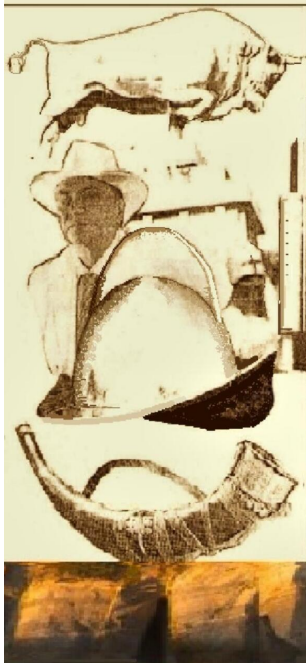

Станислав Кувайцев

КАРНАВАЛ

повесть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Кувайцев

Карнавал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69234361

SelfPub; 2023

Аннотация

Если Вы любите юмор на грани фола, непредсказуемые сюжеты, яркие пародийные образы, то Вам должно понравится это произведение. Эта повесть не основана на реальных событиях, поэтому, если Вы увидите в ней что-то знакомое, происходившее, к примеру, в одном курортном городе где-то в мае 2016 года, имейте в виду, что это Вам просто кажется. Я знаю, я там был...

Содержание

1	5
2	8
3	16
4	21
5	24
6	30
7	34
8	38
9	47
Эпилог	49

Станислав Кувайцев

Карнавал

Не основано на реальных событиях, происходивших в городе «С» в 2016 году.

«Коллективная радость – это совокупная истерическая реакция индивидов на шок, вызванный кратковременным отсутствием привычных страхов»

(Из неопубликованной переписки автора с доктором Зигмундом Фрейдом.)

1

Началось то время года, когда выходить на улицу, как, впрочем, и не выходить, лучше без штанов, чем в деловом костюме. Без штанов легче было бы и в прохладном, казалось бы, служебном кабинете, где, не останавливаясь, маслали кондиционеры, в кулере всегда была холодная вода, а в холодильнике – целый минибар напитков, а еще надресированная секретарша ловко делала прохладные коктейли со льдом. Штаны все равно мешали, раздражая немолодые уже ляжки и впиваясь в толстеющую плоть в районе пояса под нависающим животом, натирая коленки и бедра, впиваясь швами в интимные места. Пахом Анатолевич с тоской вспомнил о недавнем отпуске, проведенном в Египте, сглотнул слюну, тихо матюкнулся по поводу теперешних алкоограничений и грузно плюхнулся в кожаное кресло главы Администрации города-курорта. Сразу ощутив наличие застарелого геморроя где-то в глубинах титулованной задницы, он еще раз матюкнулся, в этот раз уже громко и с экспрессией.

– Что за болезнь такая! Ни самому посмотреть, ни другим показать....

Геморрой – это не единственная неприятность, которая беспокоила крепкий на вид тыл градоначальника. Эра безоблачного правления, похоже, сменилась эрой катаклизмов

и смуты. Первым вежливо задержали Первого вице-мэра, курировавшего имущественные вопросы, землеустройство и строительство. Сидит бедолага под домашним арестом. Вторым – его зама и по совместительству – начальника Управления ЖКХ. Этот – уже в СИЗО. Невидимая обычным горожанам грозовая туча висела над солнечным городом, прямо над зданием муниципалитета, раздуваясь от напряжения, создаваемого разностью потенциалов между сданной отчетностью и фактической наличностью.

Проблемы с бюджетом никогда не пугали Пахома Анатольевича, который начинал свою трудовую жизнь в бухгалтерии винзавода еще в восьмидесятые, а уже в девяностые «поднялся» на реализации безакцизного алкоголя до уровня руководителя «с богатым опытом управления и хозяйственной деятельности». Но в этот раз все пошло не так. Первый вице-мэр, который был ключевым звеном в формуле превращения виртуальных целевых средств в материальные, отсиживается в своем загородном доме под замком, пьет «Рэд Лейбл» с колой, сука... И это тогда, когда надо готовиться к плановому аудиту... А все из-за жадности... Ну, зачем тебе, скотина, вдруг понадобились эти «левые инвестиции»? Да еще и в долларах!.. Услышал про чемодан денег и раскис, как холодец на солнце... Ясно же было сразу, что это подстава, дебил...! Вот не бери, если не умеешь, а лучше воруй, как всегда, – это твой конек...

В тяжелую дубовую дверь осторожно постучали.

– Входите, – Пахом Анатольевич созвал экстренное совещание особо приближенных к своему телу персон.– Все пришли?

2

Кислые рожи подчиненных оптимизма не внушали. С такими рожами сто двадцать миллионов, испарившихся в прошлом году где-то под жарким черноморским солнцем, не наколдуюешь. Желая приободрить унылое сообщество управленцев, представляющих собой вялый мозг перегретого города, Пахом Анатольевич грозно поинтересовался:

– Ну, как там эти жулики? – он обвел подчиненных строгим взглядом.

– Я слышал, что Банчука тоже скоро, того..., с домашнего ареста на нары..., – начальник Правового управления никогда не отличался красноречием, и поднятию духа в коллективе тоже никак не поспособствовал.

– Всех пересажаем, крохоборы, мздоимцы!!! – продолжал поднимать боевой дух Пахом Анатольевич.

На противоположном конце огромного дубового стола, послышался стон и постукивание зубов. Начальник Финансово-экономического управления Камилла Борисовна нервно грызла отманикюренные ногти, едва сдерживая приступ паники.

– Завтра же начнем внутреннюю ревизию и инвентаризацию.

– А-у-е... Кхы-кхы... – Камилла обмякла и тихо сползала под стол, вжав идеально уложенную голову в хорошо отмас-

сажированные худые плечи.

– Как черепаха, – подумал Пахом Анатольевич, – Тортила Борисовна, возьми себя в руки! Или кто-нибудь, возьми-те ее..., – строго, но без злобы выкрикнул он, указывая руководящим перстом на истеричку. – И давайте уже начнем по делу, а то развели тут... Светлана, принеси Камилле Борисовне, ну и остальным валерьянки, как ты умеешь, – прокричал в селектор Пахом Анатольевич, обращаясь к секретарше. Уже через пару минут Светлана внесла в кабинет графин со своим фирменным валериановым коктейлем для посетителей.

– Ты сильно не увлекайся, – обращаясь к Камилле Борисовне, Пахом Анатольевич ткнул пальцем в графин, – а то кошки на улице залижут насмерть. Кстати, откуда они взялись в таком количестве у центрального входа, кто их там подкармливает? И один кот такой рыжий огромный, наглый, главарь у них..., опасный, наверное...

– Никто не подкармливает, Пахом Анатольевич, кошки отрицательную энергетику любят, чувствуют и лезут со всех сторон, – Начальник Правового управления (ветеринар по образованию) был заядлым охотником и хорошо разбирался в повадках животных, – А рыжий – это не кот, это лев молодой... – сбежал от хозяина.

– Лев... сбежал... Из цирка что ли?

– Да откуда в цирке льву взяться, лев – животное дорогое. От фотографа сбежал. Тот на пляже работал, ну и зашел в

кафе хинкали покушать, а льва к оградке привязал, ну лев вместе с оградкой и убежал.

– А, так это оградка у него на шее болтается, я думал, бантик какой-то... Он нас не сожрет? Где полиция, ветеринары с этими... дротиками?

– Он не опасен, – вегетарианец. Его исключительно перловкой кормили, он вон с голубями вместе крошки собирает на площади... Он и сбежал-то из-за запаха хинкального – его стошнило прямо на газон.

– Вы, мне его поймите, хоть на хинкали, хоть на перловку, мне все равно! ... Зверолюбы и кошковеды...

– Мы уже занимаемся этим вопросом, фотографа уже вызвали.

– Да на хрен мне здесь фотограф, у меня хищники вокруг Администрации гуляют, проверка на носу, а ты мне фотографа вызвал! Ты мне еще парикмахера с педикюршей пригласи сюда!

– Да Вы не поняли, мы хозяина льва вызвали.

– Заканчивай давай с этим зверем, сегодня вечером доложишь. Теперь о деле...

По очереди заслушали всех пока еще оставшихся на свободе вице-мэров, перешли к начальникам управлений. Выяснилось, что средства, предназначенные на благоустройство инфраструктуры города, были потрачены на ремонт дорог муниципального значения, а средства, предназначенные на ремонт дорог, ушли на чистку русел рек. Русла рек по-

очистить забыли, но зато приобрели у Нацпарка неплохой земельный участок на берегу горной реки для предоставления участков под ИЖС нуждающимся горожанам из числа ценных специалистов органов управления и контроля. При этом из бюджета Нацпарк не получил ни копейки, с ним рассчитывались приобретатели участков или их «друзья» и «дальние родственники». Именно на одном из таких участков и сидит теперь в заточении автор этой гениальной схемы. Круг замкнулся.

– Чем будем дыру затыкать? – Пахом Анатолевич строго посмотрел на своего зама по экономике и финансам.

– Надо провести скрытые работы. Трубы какие-нибудь где-нибудь закопать... – зам по экономике снял испотевшие очки и начал усиленно их протирать.

– Какие трубы?! Куда закопать!? У нас оба трубокопа уже на нарах загорают!

– Тогда праздник какой-нибудь организуем... Такой, с большим бюджетом.

– Как твой день рождения, что ли? Сколько ты тогда из казны позаимствовал?

– Ну, я же все вернул, Пахом Анатолевич.., – зам по экономике дрожащей рукой надел очки на нос и виновато посмотрел поверх них на Главу города.

– Не ты, а кум твой. Кстати, может вы все потрясете своих этих «родственников», «друзей детства», кому мы там еще «помогали»?

– Ну, у нас есть для этого фонд ОЗЧ.– Главный эконом муниципалитета опять снял очки, дунул на них и принялся протирать по новой.

– Какой фонд?

– Фонд общества защиты чиновников. Вот Карен Карапетович пусть расскажет.

Карен Карапетович не работал в Администрации и не был чиновником, но почему-то всегда присутствовал почти на всех важных совещаниях и всех без исключения корпоративах. Некоторые думали, что он «официальный представитель от братвы», другие считали, что он «смотрящий из органов», но и те и другие были не правы. Карен Карапетович был представителем деловой общественности, призвавший сам себя доносить чаяния предпринимательского сообщества до органов власти. Для убедительности Карен Карапетович создал фонд общества защиты чиновников и организовал среди группы своих единомышленников – неравнодушных граждан – регулярный сбор добровольных взносов.

– Мы можем покрыть половину.., – Карен Карапетович выдержал многозначительную паузу, внимательно оглядев всех присутствующих, взял в руку карандаш и взмахнул им, как дирижёр, готовящийся управлять оркестром, – Ну или две трети, если все это будет потрачено на замену тротуарной плитки.

– Навариться на нас хочешь? – Пахом Анатольевич сурово сдвинул брови. Тротуарную плитку в городе называли «ко-

лодрыжкой» по фамилии прежнего мэра Николая Андреевича Колодрыжного, во времена правления которого тротуары менялись вместе с опавшей листвой, иногда даже чаще.

– Ну почему навариться, Пахом, деньги то из фонда... мы их выплатим подрядчику, – Карен повернул карандаш в свою сторону, – подрядчик – субподрядчику, – Карен указал на графин с валериановым коктейлем, субподрядчик наймет...

– Ну ладно, поняли мы все... Не первый год городом управляем. Главное, чтобы опять в тендер никто лишний не влез. Этим пусть наши безопасники займутся, – он многозначительно кивнул в сторону начальника Правового управления. – Ты мне скажи, как мне остальное закрыть.

– Ну, остальное, действительно, можно на праздник списать. У нас курортный сезон на носу, его можно как-то отметить...

– Карнавал..., – начальник Управления курортов и туризма, почувствовав опасность, проявил предупредительную инициативу.

– Да, точно. – Глава города почесал лоб и вопросительно уставился на начальника Управления культуры. – Софья Марковна, что вы можете предложить?

– Я?! – Софья Марковна была уверена, что ее пригласили на это совещание чисто формально, по статусу. Она мирно дремала в кресле для посетителей у стены, где обычно сидели вызванные на ковер работники Администрации, коим не следовало сидеть за одним столом с Главой. Расслабившись,

она даже тихонько скинула тесные туфли и опустила голые пятки на прохладный паркет.

– Да, Вы, не я же! Завтра предоставьте план проведения Карнавала, сценарий или что там надо, ну и смету, конечно.

– А оплата будет авансом или по акту? – Софья Марковна сразу перешла к главному. Приподнявшись в кресле, стараясь незаметно надеть уползшие куда-то туфли, она зашаркала ногтями по паркету, как шкодливая такса в песочнице.

– А опла-а-ата уже была-а-а., – Пахом Анатольевич театрально развел руки в стороны, как бы одаривая присутствующих своей мудростью и щедростью. – Выкручивайтесь, привлекайте инициативных горожан, самодеятельность, Управление образования, подключайте... Правда, Ольга Сергеевна?

Ольга Сергеевна – Начальник Управления образования – и без того бледная от бесконечных диет и постоянных стрессов, казалось, остекленела. Задорная еще недавно челка на лбу повисла унылыми сосульками, щеки как будто покрылись инеем, а подбородок, задрожав, стал отваливаться от верхней челюсти, и казалось, вот-вот оторвется, упадет на пол и разлетится на ледяные осколки.

– А ЕГЭ? А экзамены, год заканчивается... И как ДЕТЕЙ на Карнавал?

– Ага... ЕГЭ... Угу... Да... с детьми не получается... А родители не могут поучаствовать? Ну, заинтересованные, которые в чатах там во всяких сидят, пишут, что им иници-

ативу не дают проявлять... Ну с этим, как его, Хэллоуином чертовым...

– Если Вы об этой Богосовой, то они уже поступили в Юридическую академию без аттестата и ЕГЭ...

– Во как! Без ЕГЭ – и в Академию.., а потом к нам в город, значит, юристом или в прокуратуру... Проверки проводить у нас будет. Упустили вы курицу с золотыми яйцами... или петуха её, который все оплатил... Ну вот и отдувайтесь теперь сами... Учителей гоните на мероприятие, они у вас засиделись в кабинетах, пусть повеселятся и порадуются наступлению курортного сезона. Скажите, что это им благодарность за ударный труд. Есть еще предложения? Нет, ну и хорошо. На этом и закончим. План мне на стол завтра к обеду.

– Павел Петрович, – мэр обратился к начальнику Правового управления, ткнув в его сторону хорошо отточенным карандашом, – а Вы проработайте участие наших силовиков, пусть тоже подумают и помогут...

3

– Ну что, готовы докладывать? – Пахом Анатольевич обвел присутствующих строгим взглядом из-под насупленных бровей. – Давайте по существу, по очереди... Что с подрядами?

– Договор составлен, с тендерами разберемся. Фронт работ под объемы уточняется, – отрапортовал второй вице-мэр, временно исполняющий обязанности первого, – Карен Карапетович дает объемы плитки по предварительным расчетам на половину оговоренной суммы, остальное на производство работ спишем, ну еще плюс непредвиденные затраты...

– Какие еще непредвиденные затраты?

– Ну, там, например, кабель где-то не там лежит или труба..., обойти надо или там дополнительные расходы на скрытые работы...

– Ты мне про трубы даже не упоминай, и про то, что и где не там лежит тоже, а то быстро окажешься с Банчуком в одной камере!

– Понял. Учтём...

– Учтите... И чтобы все чётко было по документам, лично головой отвечаешь!

– А объемы будем утверждать Вашим постановлением?

– Каким еще постановлением! Впишите в план благо-

устройства задним числом ... Что мне вас учить что ли! – Пахом Анатольевич шлепнул гладкой розовой ладонью по столу, давая понять, что далее по этому вопросу ничего слышать и знать не желает. – Теперь к карнавалу... коротко и по существу, – Управление культуры?

– Мы договорились со стриптиз-варьете «Откровение», будет около десяти танцовщиц с карнавальным реквизитом и еще пара десятков сочувствующих.

– А театр?

– В театре только сторож и директор, зато театр готов предоставить костюмы, которые еще остались, вот список.

Пахом Анатольевич принял переданный ему документ и с интересом его осмотрел сверху вниз.

– Костюм Буратино сорок восьмой размер, костюм Буратино пятьдесят два – пятьдесят четыре, пятидесятых размеров шесть комплектов, что у вас за спектакли такие были? Буратины все какие-то перекормленные? – А носители костюмов, эти, как их? Актеры где?

– Вся труппа в полном составе перешла работать в «Откровение».

– Вся, и эти «пятьдесят два – пятьдесят четыре»?!.. Еще кто от культуры?

– Гей-клуб «Одинокая свеча» готов участвовать... с энтузиазмом...

– Энтузиазма не надо! Пусть участвуют на общих основаниях, и приставьте к ним кого-нибудь из Администрации,

чтобы присматривали за ними сзади или сверху. – Пахом Анатольевич со знанием дела отжестичулировал свои замечания, указав большим пальцем назад и указательным вверх.

– Образование...

– Активисты празднования Хэллоуина, группа Богосовой, готовы участвовать, имеют свои костюмы. Их, правда, немного, пятнадцать человек пока.

– С хэллоуиновыми активистами понятно, хорошо. А учителя? Что с ними?

– Мы проводим отбор тех, кто не очень занят, но есть проблема с костюмами...

– Что, с нечистой силой договорились, а с учителями не можете?.. С костюмами театр вам поможет... Действуйте...

– Силовики..., Павел Петрович?..

– Силовики все заняты на операции «Пилигрим»

– Что за операция?

– Мигрантов и бомжей перед сезоном отлавливают, но обещали что-нибудь придумать.

– Пусть быстрее думают, а то останутся без служебных квартир в этом году... Вот они в прошлом месяце чудика какого-то задержали, который диван на автомобильное шасси установил и катался на нем по федеральной трассе. Вот пусть и прокатится на своем диване перед колонной, и пару стриптизерш к нему подсадите с этими... перьями, плюмажами.

– И еще гей-клуб «Одинокая свеча» от силовиков...

– Тоже с энтузиазмом?!

– Нет, с финансовой помощью и костюмами, и еще готовы предоставить услуги стилиста и хореографа, но просят разрешения на размещение баннеров на двух центральных улицах.

– Бананов им телегу, а не баннеры у меня в городе. Прижмите эту петушарню, чтобы посговорчивее были...

– Понял, прижмем...

– Коммунальщики... Вот молодцы-ы-ы! План соста-а-вили и смету отдельную..., вот что значит – начальник в СИЗО сидит, сразу все всё поняли, – Пахом Анатольевич растянул слащавую улыбку, – Что там? Оформление газонов, уборка, транспорт... и плакаты. Плакаты о чем?

– О воде, о тепле...

– Кто о чем, а вшивый о бане... Хорошо, – Пахом Анатольевич хлопнул ладонью по столу.

– И еще гей-клуб «Одинокая свеча» обещал...

– Опять, и сюда влезли, я смотрю, свеча то не такая уж одинокая... Что хотят?

– Льготу по коммуналке...

– Вот педерасты! Поиметь город в такое время вознамерились. Ладно, обещайте. Как обществу инвалидов, помните? ... Дайте им льготу на воду на месяц, потом опять повысим. А на канализацию сразу поднимите. Посмотрим, кто кого понимает.

– Так и сделаем... поймеем...

– Но аккуратно, без фанатизма, без страсти... И по пять

человек от каждого МУПа в распоряжение Софии Марковны. Всё! Работать! Сегодня рабочий день до 20.00.

4

День выдался солнечный. Даже неприятно как-то. Словно позднее весеннее солнце решило поярче осветить готовящийся финансово-культурный шабаш. Городская площадь сияла чистотой. Усиленный наряд казаков в мохнатых папахах, с каменными лицами, выстроившись по периметру площади, изображал охрану Букингемского дворца, пара полицейских с подозрением присматривались к молоденьким дамам в коротких юбках, проходящим мимо без сопровождения кавалеров. Ступеньки, перед входом в Администрацию, на всякий случай посыпали солью, а в фойе, напротив входной двери, установили икону в серебряном окладе.

Самыми дисциплинированными оказались энтузиасты-хэллоуинопоклонники и гей-клубовцы, эти приехали на место сбора своим ходом уже в костюмах. Служители Мельпомены из стриптиз-варьете подтянулись на своем автобусе чуть позже и тут же начали переодеваться рядом с автобусом прямо на прилегающих к центральной городской площади газонах с редкими кустиками, привлекая повышенное внимание городских зевак и работников Администрации мужского пола, открывших окна и гроздьями вывалившихся наружу по пояс.

Автозак и два УАЗика от силовиков прибыли, когда стриптизерши уже переодевались, все три автомобиля въе-

хали на газон рядом с автобусом варьете с разных сторон, образовав амфитеатр, один из УАЗиков зачем-то подсвечивал место действия дальним светом фар, конвоиры из автозака, выскочили наружу и синхронно закурили. Из недр автозака раздался звериный рык и довольное похрюкивание, за маленьким зарешеченным окошком замелькали блестящие глаза.

Участников от Управления образования собрали у центрального входа Администрации. Представитель профсоюза произвел перепись и сообщил счастливым, что их освобождают от дополнительных нагрузок летом и дадут премию. Надо только надеть костюмы и организованно пройти по главной улице, делать то, что скажет хореограф.

Костюмы разнообразием не отличались, на половину это были обноски Буратин разного калибра, остальное – голубые парики и полосатые гольфы. Распределение костюмов происходило с учетом заслуг и размеров. Голубые парики и гольфы разобрали те, кто был пошустрее и посмелее, главным образом молодые нетитулованные учителя без категорий. Тем, кто до последнего надеялся, что все это плохой сон, пришлось довольствоваться полосатыми колпаками, бесформенными куртками разного размера без застежек и безобразными шортами, в дополнение к этому комплекту прилагались накладные носы разной конструкции, но приблизительно одной формы. Разобрав костюмы по размеру, педагоги угрюмой толпой направились переодеваться к ав-

тобусу варьете, который при таком количестве переодевающихся рядом полуголых дам почему-то стоял пустым. Костюм Артемона никто брать не захотел из-за запаха псины и опасения, что там блохи, его бросили на пол автобуса как коврик для переобувания.

– А плевать! Это им пусть будет стыдно! – Вера Михайловна, пожилой учитель начальных классов первой категории, решительно натянула на голову колпак и, поправив очки, принялась приклеивать нос.

– Точно, – ее коллега, учитель биологии Светлана Михайловна, повернувшись на автобусном поручне, как стриптизерша на пилоне, едва уловимым движением достала из сумочки фляжку с коньяком и, отхлебнув, предложила Вере Михайловне.

– О! А у нас тоже есть! Наливаем? – где-то забулькало, автобус, плотно набитый работниками образования оживился и загудел как улей.

– Там у ребят из Водоканала целый ящик, который для лопат,.. они сами все не выпьют, сейчас принесу, – кто-то из уже переодевшихся Буратин в колпаке и бриджах в кедах на босу ногу и с большим полиэтиленовым пакетом в руке выскочил из автобуса и семенящей походкой, виляя бедрами, побежал к стоящему рядом автомобилю аварийной службы Водоканала.

Заиграла музыка. Оркестр местной филармонии выжимал «Турецкий марш» из пропитанного алкогольными парами воздуха, пропускаемого музыкантами через медные и латунные трубы разной длины и разных диаметров. На площади началось построение головной колонны. Первыми пошли профессионалы. Четыре открытые передвижные платформы с установленными на них шестью, увешанными полуголыми тетками в пуху и перьях, двинулись по брусчатке площади к асфальту центрального проспекта. Тетки начали крутиться, сначала вяло (под «Турецкий марш» не очень получалось), потом поймали ритм и даже синхронизировались. Дальше поехал самодвижущийся диван, на котором сидел лысый бородатый мужичок, лет сорока, в лыжных очках и сварочных крагах по локоть на мускулистых руках. Перед водителем дивана, на подножке, была установлена рулевая колонка с авиационным штурвалом вместо руля. Несколько рычагов торчали слева и справа. Рядом с дивановодителем сидел фотограф с камерой и сосредоточенно вглядывался в мелькающие между перьев части тел танцовщиц, выплясывающих на впереди идущей платформе.

Четверо адептов Хэллоуина, разодетые в костюмы всадников апокалипсиса, объединились с водителями арестованных за гонки по центральным улицам квадрициклов. Воссе-

дая на задних сидениях, они то и дело привставали в «стременах», размахивали оружием: мечом, секирой, косой и нунчаками и выкрикивали какие-то жуткие заклинания. Остальная нечисть во главе с Богосовой, одетой в сиреневый балахон и маску верховной колдуньи Морганы, выстроилась «свиньей» за «всадниками» и, потрясая рогатинами и копьями, кричала что-то в ответ. На голове Морганы была массивная корона с рогами, а в правой руке посох с навершием в виде узкого вытянутого трезубца с насаженным на него небольшим чучелом не то Мерлина, не то Гендальфа Серого. Перед Морганой шли два подслеповатых гоблина из подземных хранилищ городской библиотеки и несли огромную открытую книгу, обтянутую черной кожей.

Из автозака выпустили группу пилигримов, которые в сопровождении конвоиров уныло поплелись нестройной толпой за нечистью, испуганно оглядываясь и пряча невымытые и небритые лица. Одеты они были, видимо, в свое. УАЗик, затюнингованный на скорую руку под повозку поселенцев, медленно тащился позади печальных странников. К переднему бамперу «повозки» были прикреплены две оглобли, к которым пристегнули (видимо, наручниками) двух наиболее «заслуженных» бродяг, одетых в костюмы быка и коня. Причем костюмы были какие-то странные, с акцентом не на верхнюю часть животных, а на нижнюю. Головы у зверюг были почти одинаковы, только у быка были небольшие, по сравнению с короной Морганы, рога, а у коня – длинная гри-

ва. Ниже пояса начинались отличия. Конь был с огромным задом, который вилял и болтался как холодец при ходьбе. Брутальный бык нижней частью очень напоминал того быка, статуя которого когда-то украшала главное здание местного мясокомбината. Тот (мясокомбинатский) бык, изваянный в стиле «максималистического натурализма», с огромным кольцом в носу, объемной грудью и узким тазом, с широко расставленными задними ногами, бесстыдно демонстрировал мужскую силу и, поджав левую переднюю ногу к брюху, многие годы краем подогнутого копыта указывал горожанам, из чего на самом деле делают тушенку.

За пилигримами следовала открытая самодвижущаяся платформа в виде торта. На нижних ярусах как свечи стояли покрашенные в бронзу и позолоту атлеты с надетыми на голову чашами подсвечников, а на верхней площадке танцор в костюме конкистадора сцепился в кровавой схватке с танцором в костюме последнего императора инков. Конкистадор был в характерном испанском шлеме, угловатой кирасе и сапогах серебристого цвета, но без штанов. Вместо традиционных испанских панталон из-под грудной части кирасы ревнителя веры свисал тонкий ремешок, а с задней части – веревочка, теряющаяся где-то в межбулочном пространстве. Сапа-Инка по пояс сверху был голый, его обнаженный смуглый торс на груди прикрывал золотой диск в виде солнца, а на спине золотой квадрат с изображением Великого змея. Корона из золоченых перьев тоже изображала солнеч-

ный диск, а в длинную косу был вплетен солидный пышный плюмаж, свисающий ниже копчика. Снизу император краснокожих тоже был голый, если не считать тряпочку в районе паха, видимо, забытую гримёром. Сюжет пленения последнего императора, которого звали, кажется, Атауальпа, предполагал, что конкистадор, видимо маркиз Писарро, должен выиграть поединок, но бледнолицый был явно слабее, и тяжелая амуниция ему никак не помогала.

За платформой-тортом очень своевременно выстроилась колонна в белых халатах. Главный Айболит с огромным шприцем, готовый прийти на помощь пострадавшему, с интересом поглядывал на возню двух конкурирующих вишенок на торте. Два эскулапа в традиционных белых халатах тащили на своих плечах огромный градусник, третий катил перед собой огромную пилюлю с надписью: «От жадности». Колонну медиков прикрывал с тыла автомобиль скорой помощи, на который натянули надутый чехол в виде клизмы. Пипка клизмы была задрана кверху над лобовым стеклом кабины клизмобиля, и вся конструкция походила на футуристического вида танк, угрожающий всей Вселенной.

Колонна из Буратин и прибившейся к ним прослойки Мальвин формировалась неохотно. Прибыли управленцы от образования, две жабы из бухгалтерии вывезли вперед кресло-каталку с шестидесятисемилетней черепахой Тортиллой, в миру архивариусом Управления, в широком макинтоше, огромных темных очках и чепчике. Несколько че-

люлек, непонятного пола, одетых в костюмы Пьеро, скромно разбавили колонну Мальвин, не рискуя приближаться к остроносым и уже не очень трезвым пасынкам Папы Карло. Колонну Управления возглавил чужак в костюме черного пуделя. Этот костюм, в отличие от театрального, брезгливо оставленного на полу в автобусе варьете, выглядел идеально с точки зрения ветеринарии, кинологии и садо-мазо-эстетики: облегающее черное трико, огромное белоснежное жабо и кучерявая голова с идеально уложенными ушами, красивый кожаный ошейник с золочеными заклепками и медальоном. На руках были лайковые перчатки и золоченые браслеты выше запястья. Псина попыталась доминировать, размахивая тростью-хлыстом и давая указания по построению и движению колонны, что вызвало негодование Тортиллы, которая считала, что доминировать в образовании должен жизненный опыт, опирающийся на проверенные методики.

– Вы, простите, кобель или женщина, – поинтересовалась она пристально глядя на пуделя и прикуривая сигарету.

– Я ваш хореограф, Кристина... – ответила шавка и сделала реверанс в сторону утопающей в табачном дыму престарелой рептилии, демонстрируя выставленный вперед кожаный сапог с меховым подбоем и на внушительном каблучке-шпильке.

– Сука, значит, – черепаха затянулась, – Хореографируйте с задними рядами, а мы здесь, присматривать за вами приставлены, чтобы вы нам Буратин не сломали, – Тортил-

ла оглянулась на жаб, и, получив одобрение в виде кивков и тихих подквакиваний, впала в дрему.

Мальвины были почти трезвые и пытались войти в образ каждая по-своему, желая проявить не уместный в данном случае учительский индивидуализм, а вот более консервативная в жизни деревянная часть Управления налкавшаяся сильнее своих молодых синеволосых коллег, интегрировалась в коллективное сумасшествие значительно быстрее. Шеренга в полосатых колпаках и оранжевых куртках-накидках, напоминающих укороченные до пупа плащи мушкетеров только с огромной бутафорской пуговицей на животе, нестройно, но уверенно сделала первый шаг. Поочередно поднимая наклеенные носы к зениту и прихлебывая что-то из пластиковых бутылок, Буратины набирали скорость и уверенность в себе.

– Девочки, нам надо пройти лучше всех, а то нам наши вещи не отдадут! – выкрикнул самый крупный Буратино, похожий на Портоса в очках, желая подбодрить коллег, – Вперед!

6

Выход колонн с брусчатки на асфальт оказался очень своевременным, от вибрации на неровных поверхностях и у профессионалок начали отлетать перья, кое-как прикрывавшие загорелую срамоту. Многочисленные помощники мужского пола то и дело заскакивали на помост, чтобы воткнуть очередную потерянную часть гардероба куда-то в район пояса какой-нибудь из танцовщиц.

Самодвижущийся диван наполнился пассажирами. Рядом с водителем теперь стоял черный цилиндр, позаимствованный у проходившего мимо фокусника и наполненный купюрами (видимо за проезд в первом ряду).

В главную колонну из боковых улиц начали вливаться нестройные ряды представителей рекламных агентств, салонов красоты, фитнес-центров. Подошли две мрачные, похожие на похоронные процессии колонны от подневольных санаториев Федерации свободных профсоюзов. Крепостные профсоюза металлургов тащили за собой огромную ванну, наполненную воздушными шарами, с сидящей в ней барыней, обмахивающейся веером из павлиньих перьев. Бывшего владельца составных частей веера, престарелого павлина Серегу из санаторного зверинца везли отдельно от перьев, чуть позади, в огромной ажурной клетке, выкованной, видимо, подневольными металлургами.

Санатории побогаче выставили штатных аниматоров, разбавив их специалистами-маркетологами, вооруженными рекламными изделиями надувной, натяжной и просто висящей конструкции. Группа аниматоров в поролоновых костюмах Бременских музыкантов катилась на самодвижущейся тележке, впереди которой весело вышагивал осел с маракасами в передних копытах, имитирующий тягловую силу.

Толпа цыган с песнями и плясками ворвалась в колонну где-то около Морского вокзала и слегка оживила шествие, однако после появления колонны казаков, одетых в красные и черные черкески с башлыками, каракулевые кубанки и с шашками наперевес, цыгане приутихли и перешли от языческих цыганских плясок к исполнению романсов. Казаки сурово оглядывались по сторонам, видимо, в поисках коней и, заметив осла с маракасами, ускорили шаг.

Хлебокомбинат выкатил на центральный проспект машину-печь с ароматной выпечкой. Румяный усатый булочник охранял содержимое фургона, профессионально жонглируя массивной деревянной лопатой. Запахи пота от запыхавшихся цыган, перегара от угрюмых казаков и свежей выпечки смешались в один запах, с детства знакомый каждому бразильскому крестьянину, искушенному в карнавальных шествиях, но не очень знакомый горожанам, привыкшим на ходу вдыхать выхлопы от машин, запахи духов и дезодорантов в перемежку с ароматами цветущих почти круглый год декоративных растений.

Процессия чуть притормозила, когда в ее центр между Бременским ослом и профсоюзными крепостными органично вписалась самодвижущаяся бочка от пивзавода, сопровождаемая восточным факиром в халате и чадре и фокусником во фраке, но без цилиндра. Несколько дорогих лимузинов без госномеров, наполненных хорошо одетыми молодыми людьми с почти не одетыми молодыми дамами по обочине обогнали челядь и пристроились между стриптиз-платформами и самодвижущимся диваном, отодвинув владельцев билетов в первый ряд на мягкой мебели подальше от зрелищ и поближе к простолюдинам. Сеть магазинов «Диета» представляла настоящего льва-вегетарианца, возлежащего в огромной чаше с овсянкой вместе с дрессировщицей, одетой в стиле фильма «Полосатый рейс» в короткое платье-тельняшку и в капитанскую фуражку. Несколько аниматоров на ходулях беспорядочно и бессмысленно шарахались между рядами. Группа велосипедистов, увешанных гирляндами, пыталась держать строй, но безуспешно – слишком маленькая скорость не давала шансов удерживать равновесие.

Из аэропорта прибыл белоснежный самоходный авиационный трап, украшенный лентами, цветами и шарами с гербом города-курорта на радиаторной панели. Лестница трапа была переделана под мини-трибуну и со стороны походила на корабль большой семейной колесницы фараона Верхнего Царства в период его расцвета. Колесницу подали на центральную площадь и, загрузив в нее фараона и часть его сви-

ты, двинули по параллельной улице на обгон колонны. Вписавшись в пространство между варьете и группой лимузинов, «мэрский трап» предоставил зрителям элитных самодвижущихся лож с кожаными салонами вместо возможности в упор глазеть на голые бедра танцовщиц возможность любоваться рыхлым задом градоначальника и тощими задками его заместителей.

Пробил полдень. Ощущение праздника угрожающе нарастало.

Колонна полностью выстроилась в начале проспекта и остановилась. Техники настроили аппаратуру и утомленный оркестр «ушел в тень», уступив акустическую ауру динамикам разных размеров и форм.

Пахом Анатольевич, стоя на краю авиатрапа-колесницы в начале колонны, произнес короткую речь и объявил курортный сезон открытым. Природа, несколько месяцев ожидавшая разрешения цвести и пахнуть, вздохнула с облегчением, зацвела и запахла. Над проспектом закружились бабочки, молодые листья деревьев в лучах полуденного солнца заиграли изумрудным блеском, трудолюбивые пчелы, жужжа, зароились над ближайшими газонами.

– Откуда пчелы, – Пахом Анатольевич замахал руками перед лицом.

– Так это пасечники из сельских районов мед привезли, там еще охотники с чучелами будут, – Павел Петрович, передал начальнику флакон с жидкостью, отпугивающей насекомых, и достал из саквояжа внушительного размера рог.

– Это что?

– Это спрей специальный, от насекомых.

– Да не это, а в руках у тебя? – Пахом Анатольевич ткнул пальцем в рог.

– Это Рог Изобилия, я у одного грузинского монаха в кар-

ты выиграл, когда мы в горах на козла охотились.

– Браконьерили, что ли?

– Обижаете, Пахом Анатольевич. Этого козла нам сам начальник Нацпарка заказал... Он, козел этот, всех породистых коз в парке перепортил.

– Кто, начальник Нацпарка?

– Нет, козел, который совсем козел, от природы.

– Ну и тот – от природы, видал, борода у него какая, да и вонь... Ты мне скажи, откуда взялись цыгане? – Пахом Анатольевич, поморщившись, резко сменил тему и, не дождаввшись ответа от начальника Правового управления, повернулся к стоящей позади Софье Марковне.

– Цыган в сценарии нет, может импровизация?... – Софья Марковна растерялась.

– Какая еще к черту импровизация на официальном празднике?! И запах этот, как в Нацпарке...

– Это местные цыгане, настоящие, – Павел Петрович сообразил, о чем идет речь и взял инициативу в свои крепкие руки, – Я тоже этих цыган по запаху узнал, у них парфюм какой-то особый, с формалином, арабский... , похожий на жидкость, которой чучела обрабатывают. Они этим парфюмом от злых духов защищаются, вон смотрите, хэллоуинщиков этих аж перекосило.

– Ты мне скажи, чучеловед козлолюбивый, как эти наформалиненные субъекты на наш праздник попали?!

– Может, вписались нечаянно?... – вступилась за коллегу

Софья Марковна.

– Не-е-е, по-козлиному протянул Павел Петрович, – эти цыгане всегда здесь, между Морпортом и рынком, ходят в это время. Сезонная миграция... Это мы в них вписались нечаянно.

– Так они что мигранты?

– В некотором роде.

– Незаконные?

– Нет, все документы у них есть, их кто-то в министерстве прикрывает, плотно так...

– В МВД, что ли?

– Да нет, в Минприроды.

– Почему в Минприроды?

– А они краснокнижных насекомых переносят, долгоносиков каких-то, которые наши леса от вредителей защищают.

– Каких долгоносиков? Этих что ли? – Мэр кивнул на подошедшую делегацию, состоящую из казаков кавказской национальности и возглавляемую директором Казачьего рынка – атаманом Александром Моисеевичем Либерманом.

– А это... Это наши казаки... Они предлагают Вам поднять чашу за открытие сезона, – Павел Петрович протянул атаману Либерману Рог Изобилия, и тот быстрым профессиональным движением плеснул в него из какого-то засаленного кувшина красно-коричневой бурды.

Взяв кубок, Пахом Анатольевич осторожно передал его

стоящей слева от него Камилле Борисовне, как бы для того, чтобы она подержала, пока он будет расшаркиваться с делегацией. Камилла отработанным ловким движением незаметно слила содержимое рога в стоящее на полу колесницы пластиковое ведро, достала из сумочки бутылку коньяка «Ной», ополоснула им рог, слив использованную коньячную жидкость в то же ведро, после чего достала из другой сумки бутылку «Хеннесси» и вылила ее почти всю в промытую и продезинфицированную полость рога. Завершив колдовское действие, за которое ее в Средние века обязательно медленно сожгли бы на костре, а в наше время в Средней полосе и до костра бы донести не успели, Камилла вернула Рог Изобилия тостующему.

– Любо! – Громко прокричал Пахом Анатольевич, не дослушав картавящего атамана, и поднял Рог-кубок, демонстрируя народу свою демократичность и простоту. Опрокинув за раз почти пол-литра дорогого коньяка, мэр раскраснелся и повеселел, – Музыка! Вперед! Я открываю сезон! – и уже тише, озираясь по сторонам – Камилла, плесни еще... А жена моя где?

8

Колонна двигалась по широкому проспекту с севера на юг, собирая на пути своего движения толпы сочувствующих из случайно получивших выходной день работников городских предприятий, выполняющих свой гражданский долг чиновников, переживающих родственников и просто прохожих. Каждая составная часть процессии жила по своему сценарию, отрабатывая свою функцию. Танцовщицы, которые ранее как заведенные крутились на пилонах, размахивая перьями и виляя бедрами, войдя в зону, контролируемую пчелами, перешли на более спокойные композиции, состоящие в основном из карабканий вверх по шесту и сползанию с него же, вроде как вываленный в перьях заспанный пожарник во время тревоги, спустившись по шесту вниз, к машине, вспомнил, что забыл надеть штаны и пытается вернуться тем же путем на верхний этаж, но сил не хватает. Лимузины, отрезанные от зрелищ «административными препонами», не желая следовать за пританцовывающей главной задницей города, рванули вперед, подобрав по пути нескольких пеших танцовщиц в костюмах жар-птиц. Диван продолжал обслуживать клиентов, теперь по обе стороны от водителя сидели конвоиры из автозака и медсестра из колонны медиков.

Спецмашина-длинномер с манипулятором от коммунальных служб, присоединившаяся к процессии уже в движении

по проспекту, везла огромную деревянную бочку, закрытую сверху высоким сварным куполом из арматуры, с запертым в ней Ихтиандром. На борту бочки спереди красовалось двустишие, выведенное крупными буквами:

Чтобы выйти на свободу,

Оплати долги за воду!

Рядом с бочкой была установлена плаха, у которой, поигрывая топором, стоял палач в средневековом балахоне, надетом поверх него сигнальном жилете с надписью: «САХ – Спецавтохозяйство по уборке города» и колпаке с маской, полностью закрывающей лицо. За плахой на двух столбах был натянут баннер с надписью:

Лучше голову на плаху,

Чем иметь долги по «САХу»!

Еще дальше к заднему борту рядом с деревянным колесом, сделанным из катушки из-под кабеля, стоял инквизитор в черной сутане и черной широкополой шляпе и со страшным прибалтийским акцентом зачитывал с огромного свитка списки имен злостных неплательщиков. Катушка неторопливо прокручивалась, на ее боковых плоскостях просматривалась надпись, написанная на ломаном русском:

Кто не-е платит в «Тепло-о-сеть»,

Тот на-а дыбе-е пови-и-сеть...

Усатый пекарь отворил заслонку печи, и запах выпечки потек во все стороны, разносимый едва уловимым майским ветерком. Поддевая лопатой то булочку, то пирожок, то ка-

лач, он подносил лопату желающим, быстро выстроившимся в очередь позади медленно ползущей по асфальту печи. Одними из первых на запах приковыляли освободившиеся от надзора конвоиров пилигримы, но, не успев плотно набить карманы, они были решительно отеснены цыганами. Слуги Морганы-Богосовой, также проголодавшись, решили притормозить и, оставив всадников апокалипсиса и свою госпожу, пристроиться поближе к печи с бесплатными харчами, но попали в засаду, оказавшись запертыми между защищенными от нечистой силы цыганами и инквизитором-коммунальщиком, угрожающе зачитывающим их имена перед дыбой.

Осел из Бременских, каким то образом отстегнувшись от своей повозки, весело проскакал через толпу цыган к пекарю, и, протянув копыто с полиэтиленовым пакетом, попросил «насыпать для ребят», затем, лягнув наиболее наглую цыганку, пытавшуюся снять с него уздечку, также энергично поскакал обратно.

– Братан, дай закурить, – утомленный Конь пилигримов смотрел на своего свободного собрата по гужевому делу печальными глазами из-под гривы, – Нет мочи, как никотину хочется, хоть каплю...

– Да, курить очень хочется, а руки заняты, – подтвердил Бык, также обращаясь к Ослу, – да и от булочки с маком я бы не отказался, если у тебя денег нет.

– И горло промочить..., – продолжал Конь...

– Ну и бабу, бабу в перьях, – продолжал пускать слюни Бык.

Осел, сняв копыто, охотно поделился с коллегами пирожками, покормив голодающих с руки, распрямив ладонь, чтобы сберечь пальцы. Потом достал из-за подпруги маракас, перевернул его ручкой кверху, открутил пробку на конце ручки и налил содержимое инструмента в пластиковый стакан, вынутый из пакета с пирожками, дал обоим отхлебнуть, после чего предложил каждому по сигаретке.

– Благодарствую, добрый человек, попадешь в КПЗ, мы тебе тоже поможем, – Конь торопливо раскуривал сигарету, одновременно дожевывая пирожок с печенью.

– А у меня с яйцом, – радостно сообщил курящий Бык.

– Тебе вообще сегодня с яйцами везет, Конь кивнул на ту часть бычьего костюма, которая была похожа на огромное вымя с напрочь стертými сосками.

Тем временем казаки и цыгане объединились и пели во все горло казачьи песни. Группа пластунов с нагайками прорвалась к всадникам апокалипсиса, оставшимся без защиты с тыла, спешила их и, завладев квадрициклами, верхом вернулась к товарищам.

А на вершине торта борьба перешла в партер. Упрямый индеец никак не хотел покоряться завоевателю, ловко уворачиваясь от захватов и сбрасывая противника, в конце концов, он подмял конкистадора под себя и обхватил его руками вокруг пояса сверху вниз, зафиксировав его шлем у себя

между колен.

– А что там происходит? Там на торте? – Градоначальник отхлебнул из рога и покрасневшим глазом покосился на Павла Петровича.

– Там ситуация такая: этот, что в доспехах, по замыслу режиссера из «Одинокой свечи» должен пленить краснокожего и сорвать с него золото, ну то есть совсем все, там ведь нет больше ничего... Но наши ребята индейца подменили, вместо их танцора-гомика там сейчас племянник Карена – мастер спорта по вольной борьбе, он на чемпионате проиграл на спор, ну и теперь отрабатывает. Смотрите, как он честь свою спортивную защищает, на чемпионате бы так...

– А вы азартные ребята, я бы с вами в баню не пошел, – Пахом Анатольевич покачал головой, – Вы за парня не боитесь, вдруг ему понравится в тортах кувыркаться?

В этот момент коварный колонизатор просунул руку между ног мастера спорта и, нащупав длинную косу, свисающую ниже копчика и намотав ее на кисть, и резко дернул на себя. Не ожидавший такого коварства император откинулся назад и отпустил хват. Коварный маркиз выскользнул из шлема, свободной рукой ухватился за золотой диск на груди вождя, срывая его. Диск отстегнулся, обнажив широкую грудь борца, но, оставшись зафиксированным на нижнем креплении, описал дугу, развернулся и ребром ударил упрямому краснокожему в незащищенный пах.

Поверженный император, стоя на корточках с зажатым

между ног солнечным диском, уткнулся носом в торт. Империя пала. Танцоры, изображавшие подсвечники, зажгли факелы у себя на головах. Верхняя площадка с победителем-маркизом и поверженным императором начала опускаться внутрь торта.

– Ну вот, на чемпионате так же было... Ничему не учится молодежь? – Павел Петрович махнул рукой. – Нет воли к победе... «Второе место – это тоже победа»... Вот оно второе место! На карачки и мордой в торт...

День приближался к вечеру. Колонна прошла восемь километров за четыре часа, побив рекорд скорости передвижения австрийской армии навстречу французам в компании 1815 года. Когда солнце начало окрашиваться в малиновые тона, танк-клизма, который до этого вел себя вполне миролюбиво, вдруг выстрелил петардой куда-то в дальний космос и начал сдуваться, опуская на лобовое стекло ослабевший вдруг ствол. Оставшиеся без поддержки тяжелой техники медики, побросав в подбитый танк реквизит, потихоньку разбрелись, на ходу стягивая с себя халаты.

Пилигримы толпились у бочки пивзавода, где восточный факир ловкими движениями разливал в пластиковые стаканчики безалкогольное пиво, а фокусник во фраке не менее ловкими движениями, манипулируя плащом, за отдельную плату превращал безалкогольное в алкогольное. Неистовый иезуит-инквизитор окроплял водой из бочки Ихтиандра зажатую в кольцо казаками и цыганами нечисть. Осел из Бре-

менских с двумя пластиковыми бутылками пива вновь проскакал в сторону повозки пилигримов.

Свободные участники шествия потихоньку перекочевывали на параллельные улицы, к ларькам, а потом и вовсе перебрались на главную набережную, продолжая праздник на берегу моря. Педагоги одержимые стремлением дойти до уехавшего далеко вперед автобуса варьете, в котором были заперты их вещи, продолжали держать строй.

Двое в штатском внимательно следили за колесницей фараона, незаметно перемещаясь в толпе зевак.

– Он сказал, что карнавал традиционный, что это значит? – Спросил тот, что был помоложе.

– Значит, что он эту схему отработал и будет ее из года в год повторять, – ответил тот, что был постарше.

– Какую схему? – Не унимался молодой.

– Схему воздействия на электорат.

– Но его же никто не выбирает, его «губер» назначает, через это, как его... собрание...

– Дурак ты, молодой! Если тебя каждый год вот так по карнавалам гонять, пойдешь ты сам, по своей воле на демонстрацию какую-нибудь права качать? Нет. Дома будешь сидеть, телевизор смотреть.

– Верно. А что это он несет про какой-то союз свечи и орала?

– Э-э! выключаем его, срочно... – Бывалый достал из кармана брелок, похожий на брелок от автомобильной сигнали-

зации, нажал кнопку и по проспекту прокатился дикий вой, многократно усиленный мощью динамиков. Колонна замерла. Дикий звериный вой повторился. Нечисть почувствовала поддержку из преисподней и, вырвавшись, наконец, из магического кольца, растворилась в толпе зевак.

– А как это работает? – младший с интересом глазел на брелок.

– Ему наши спецы во время последней пьянки в бане микрочип вставили.

– «Микро»... чип, наши спецы?!

– Ну как микро ... Чип то «микро», а батарейка, конечно, стандартная.

– Мизинчиковая, что ли? – Молодой с интересом смотрел на Старшего, давая понять, что не отстанет не получив ответа.

– Какая мизинчиковая?! Маленькая такая, как от часов, – Бывалый занервничал.

– От электронных? – продолжал тупить Молодой.

– Нет, от бабушкиных, с кукушкой, – Старший не выдержал и вспылил.

– Ну, понял я, понял, только все равно ведь великовата батарейка.

– Но там же кроме маячка еще динамик для прослушки и шокер, чтобы если что... Ну вот так, как сейчас...

– И куда они его вставили?

– В прямую кишку.

– А, вот почему у прослушки звук такой... А он его не сдерет?

– Нет, там все натурально, под геморрой закамуфлировано и болит также.

– А ты откуда знаешь?

– Было дело... Меня тоже проверяли, – отмахнулся Старший, стараясь сменить тему, – Ну все, болтать он больше не сможет, ходить тоже полчаса. Пошли в машине посидим.

9

– Я спас город... Я снова его спас, – Пахом Анатольевич, пересаживаясь из колесницы в служебный автомобиль, не сразу попал в распахнутую дверь, – Петрович, куда едем?

– Вас в варьете ждут, столы накрыты.

– А Ка-ка-ка...

– Карен все организовал.

– А Ка-ка-ка...

– Камилла уже там...

– А ко-ко-ко...

– Коньяк для завтрашней встречи с инвесторами я заберу.

– А су-су-су-...

– А супругу вашу, Марину Сергеевну, я сейчас в СПА-центр отвезу, потом Вас догоню, – Павел Петрович захлопнул дверь, поднялся на колесницу, забрал ведро с красно-коричневой бурдой, сунул под мышку Рог Изобилия и поспешил к своей служебной машине.

– Вот я и один, – пробормотал эксфараон, – Всех спас – и один... – Пахом Анатольевич пытался снять пиджак, но запутался.

– Давайте я Вам подсвечу, – водитель включил свет внутри салона.

– В свечу? Ну, в свечу так в свечу... Едем в «Одинокую свечу»! – прокричал спаситель города в ухо водителю, и тот

послушно тронулся.

Двое в штатском, в автомобиле с тонированными стеклами переглянулись.

– Он же должен был в варьете ехать? – старший внимательно посмотрел на коллегу.

– Ну да, а что страшного, поедем за ним.

– Куда, в гей-клуб, в таком виде?

– Ну да, там нас быстро спалят, – согласился младший. – А если дистанционно, с улицы контролировать, мы же его слышим? Если что заскочим силой.

– Это же гей-клуб, там такие спецы крутятся, видел как они мастера спорта уделали... Надо срочно извлекать аппаратуру и без шума. Ищем костюмы.

Рядом, у газона, стоял припаркованный полицейский УАЗик, тюнингованный под повозку, с привязанными к нему артистами в костюмах коня и быка.

Эпилог

Генерал-лейтенант сурово посмотрел на вошедшего полковника и сухо скомандовал:

– Докладывайте.

– Наши прогнозы сбываются, товарищ генерал-лейтенант, авианосная группа «пиндосов» спешно покидает Средиземное море, – полковник раскрыл красную папку, которую держал в руках и зачитал донесение:

– Спутниковая разведка противника засекала колонну техники, перемещающуюся по побережью в районе города «С». Не сумев идентифицировать цели и определить их предназначение, разведка противника предположила, что наблюдает передислокацию до дивизиона оперативно-тактических ракет в сопровождении пехоты и сил ПВО.

– Хорошо, а что на самом деле?

– Обычная история: благоустройство, русла рек, тротуарная плитка, неподтвержденные расходы, как всегда. Всего на сто двадцать миллионов – мелочь, – полковник захлопнул папку.

– Что предлагаете?

– Объект не опасен и может быть полезен для дальнейшей дезинформации противника. Думаю, пусть работает пока...